

AUDREY LUNA DALE DUESING REMEMBERING RITA GORR

THE APRIL 2012 \$5.99 US/\$6.99 CAN
OPERA NEWS

www.operanews.com

AWARDS

Dmitri Hvorostovsky **Peter Mattei**

Karita Mattila

Peter Sellars **Anja Silja**

The Best of the Best:
Our Tributes to This Year's
Opera News Award Winners

High Elegance:
Massenet's Tenor Roles

Fresh Take:
Re-interpreting the *Ring*

A Message From
Mother Earth:
Listening to Erda

Charisma is a quality most easily appreciated up close; it takes a special degree of magnetism to project it across the footlights and all the way to the back of a 3,000-plus-seat opera house. Yet that is what Dmitri Hvorostovsky has done, consistently and unstintingly, over the whole course of his blue-chip career. Hvorostovsky's charisma is the kind that both attracts his legions of fans and seems to elevate him to a realm of the firmament just beyond their reach. He has the marketing savvy to make the most of the virility that so ideally complements his alluring voice but also the cool head to retain a measure of distance from the frenzied adulation it engenders.

The baritone's trademark silver mane, dark, intense gaze and broad-shouldered physique have sex-appeal written all over them, but it is a certain unstudied swagger in his gait, an air of innate dignity, authority and pride, that completes the package, just as his musical instincts and elegant sense of line raise his already impressive raw vocal material to another plane. A supremely confident artist, he prides himself on the technical mastery that gives rise to his powerful legato and legendary breath control. In his much-heralded Met debut, as Yeletsy in a 1995 *Queen of Spades*, Hvorostovsky had the audience holding its collective breath almost as long as the baritone himself in astonished admiration of the long, sensuous line he shaped from Tchaikovsky's passionate melody.

It was Hvorostovsky's 1989 win in the Cardiff Singer of the World competition, with a flawless rendition of Rodrigo's "Per me giunto," from *Don Carlo*, that introduced opera-lovers across the globe to his robust sound, seamless legato and handsome, brooding presence. The Cardiff victory brought him, in quick succession, a recording contract with Philips and debuts at Alice Tully and Carnegie Halls. By the time he took that first Met bow, he was the darling of both press and public and had already been rapturously received at an array of top-flight houses that included Venice's Teatro La Fenice, Chicago's Lyric Opera, London's Royal Opera and Milan's La Scala.

Having conquered hearts in youthful assignments such as Yeletsy and Valentin, he grew into a stern, dignified Germont, a seething Count di Luna, a powerful Renato and a world-weary Simon Boccanegra, all at the Met. Elsewhere he has been hailed as a sensational Rigoletto. But for all his Verdian credentials, it is

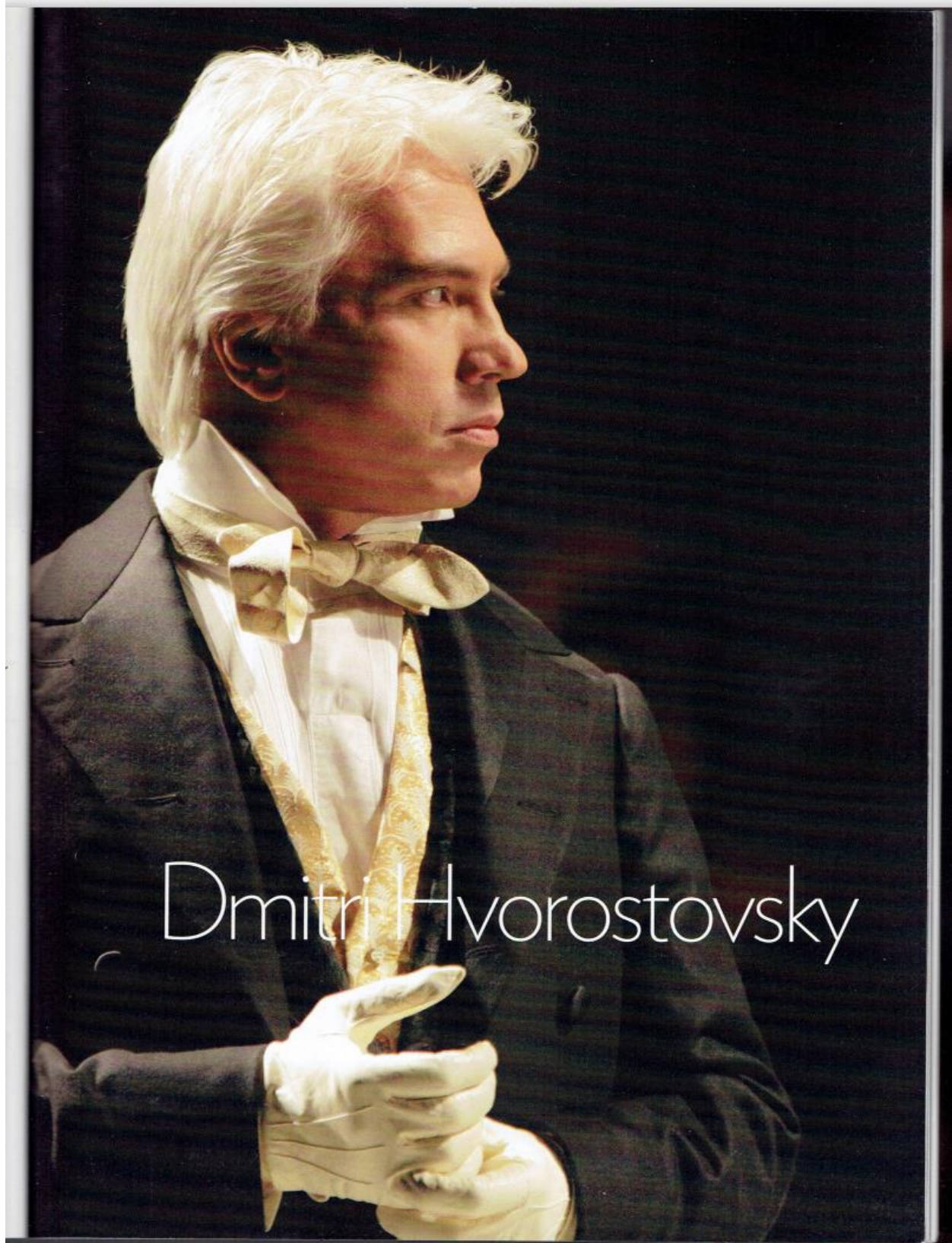
in his native Russian repertory that Hvorostovsky's velvet baritone and essentially lyric expression can shine forth in their fullest glory. In Robert Carsen's evocative production of *Eugene Onegin* at the Met — a much-admired stage performance well captured on DVD — his coolly aristocratic Eugene Onegin, stolid and impassive even in the wake of his confrontation with Lenski, melted convincingly in the consuming heat of passion in Tchaikovsky's devastating final scene. As Prince Andrei in *War and Peace* — perhaps the most moving and beautiful of all his portrayals — he tapped into a tenderness, vulnerability and wistful naïveté that are not often part of his histrionic makeup. The throbbing, undulating music of the waltz proved a perfect vehicle for his most richly lyrical outpourings. The yearning melancholy that is such an essential aspect of the collective Russian spirit imbued his every dramatic and musical gesture, while the sweeping romanticism of Prokofiev's vocal line seemed to illuminate him from within. In André's febrile and fragile final aria, backed by the composer's eerie "piti-piti" chorus, Hvorostovsky's ethereal sound as the Prince's life ebbed away perfectly captured the tenuous thread that still connected him to the world.

When he's not tearing a passion to tatters on the opera stage, Hvorostovsky can be found in the recital hall, most often as a particularly dedicated, persuasive exponent of the Russian song repertory. Find his performance of "Ochi chornye," from VAI's 1998 live-concert DVD, and try not to succumb to the lure of his dark, sensual sound and the inexorable slow build in intensity to the song's wrenching conclusion. His latest album, a program of songs by his countryman Rachmaninov, displays the mastery of native style — the stormy depths, the moody surges of passion — that have made him *the* Russian baritone of his generation.

The accolades Hvorostovsky has received in his wide-ranging career are too numerous to list, but one striking example was a 1991 nod as one of *People* magazine's fifty "most beautiful people" — truly a rare pop-culture distinction for a denizen of the esoteric world of opera. Then again, Hvorostovsky has stood out from the beginning as an artist whose appeal transcends the narrow field of classical music. Clearly the man who once described his most cherished artistic dream as establishing a "link of intimacy with every member of the audience" has not fallen far short of his goal.

LOUISE T. GUINThER

PHOTOGRAPHED BY BEATRIZ SCHILLER
in the Metropolitan Opera production of *Eugene Onegin*, 2007

Dmitri Hvorostovsky

2012 Апрель OPERA NEWS

ПЕРЕВОД

Харизма - это качество, которое легче всего оценить вблизи; требуется особая степень обаяния, чтобы преодолеть огни рампы до последнего ряда оперного театра на 3000 с лишним мест. И всё же именно это Дмитрий Хворостовский делал последовательно и неуклонно на протяжении всей своей блестящей карьеры. Дар Хворостовского и привлекает легионы его поклонников и, кажется, возносит его до недосягаемости. У него есть не только маркетинговое чутьё, чтобы максимально использовать мужественность, которая идеально дополняет его потрясающий голос, но и хладнокровие, чтобы сохранять определённую дистанцию от сумасшедшего поклонения, которое он вызывает.

Фирменная серебристая грива баритона, тёмный, пристальный взгляд и спортивное телосложение - во всём сексуальная привлекательность, но этот определённый небрежный кураж в его выходе, атмосфера внутреннего благородства, властности и чувства собственного достоинства, что завершает набор, так же как его музыкальное чутьё и элегантное чувство линии поднимают его и без того впечатляющий чистый вокал в другую плоскость. В высшей степени грамотный артист, он известен техническим мастерством своего мощного легато и легендарного контроля дыхания. В своём широко известном дебюте в Метрополитен в роли Елецкого в "Пиковой даме" 1995 года бесконечно длинной чувственной строкой мелодии Чайковского Хворостовский заставил публику в изумлённом восхищении задержать дыхание почти так же надолго, как он сам.

Именно победа Хворостовского в 1989 году на конкурсе "Певец мира" в Кардиффе с безупречным исполнением "Per me giunto" Родриго из "Дона Карло" познакомила любителей оперы всего мира с его мощным звуком, бесконечным легато и статным, погружённым в раздумья обликом. Победа в Кардиффе немедленно принесла ему контракт на запись с Philips и дебюты в Alice Tully и Carnegie Hall. К моменту своего дебюта в MET он был любимцем прессы и публики и уже был восторженно принят во множестве первоклассных театров, включая Венецианский театр Ла Фениче, Чикагскую Лирическую Оперу, Лондонскую Королевскую Оперу и Миланскую Ла Скала.

Покорив сердца своими юношескими ролями Елецкого и Валентина, он вырос в сурового, степенного Жермона, кипучего Графа ди Луна, властного Ренато и страдавшего Симона Бокканегру, все в Метрополитен. В других местах его провозглашали поразительным Риголетто. Но при всех его вердиевских достижениях именно в его родном русском репертуаре бархатный баритон Хворостовского и по сути лирическая экспрессия могут блистать во всём своём великолепии. В незабываемой постановке Роберта Карсена "Евгения Онегина" в Метрополитен - восхитительном спектакле, отлично снятом на DVD, - его хладнокровно-аристократический Евгений Онегин, невозмутимый и холодный даже после ссоры с Ленским, убедительно расчувствовался во всепоглощающем огне страсти в сокрушительной финальной сцене Чайковского. Как князь Андрей в "Войне и мире" - возможно, самом трогательном и прекрасном из всех его персонажей - он использовал нежность, уязвимость и печальное простодушие, которые не часто становятся его сценическими красками. Трепещущая, волнообразная музыка вальса прекрасно выразила его самые задушевные лирические переживания. Горькая меланхолия, важная характеристика

коллективного русского духа, проникала в каждое его актёрское и музыкальное движение, в то время как энергичный романтизм вокальной линии Прокофьева, казалось, озарял его изнутри. В лихорадочной и тревожной финальной арии Андрея, когда жизнь князя угасала, когда жутким эхом хора отдавалось "пить, пить", эфемерный звук Хворостовского прекрасно передал тонкую нить, всё ещё связывавшую его героя с миром.

Когда Хворостовский не рвёт души на части на оперной сцене, его можно услышать в концертном зале, чаще всего как чрезвычайно преданного, яркого исполнителя русского романса. Послушайте в его исполнении концертную запись на DVD 1998 года "Очи чёрные" и постарайтесь устоять перед соблазном его мрачного, чувственного звучания и мучительно медленного усиления интенсивности к отчаянному финалу. Последний диск Хворостовского с романсами его соотечественника Рахманинова демонстрирует мастерство родного стиля – бурные глубины, мрачные волны страсти, - которые сделали его главным русским баритоном своего поколения.

Звания, которые Хворостовский получил за свою многогранную карьеру, слишком многочисленны, чтобы перечислять их, но одним из ярких было включение его в 1991 году журналом "People" в число пятидесяти "самых красивых людей" - поистине редкое поп-культурное признание для обитателя элитарного мира оперы. С другой стороны, Хворостовский с самого начала выделялся как артист, чьё обаяние выходит за рамки узкой области классической музыки. Очевидно, что человек, который однажды описал свою самую заветную художественную мечту как установление "тесной связи с каждым слушателем", не далёк от своей цели.

LOUISE T. GUNTHER

Перевод на русский Н.Тимофеева